

К83

17.56

Константин ГНЕТНЕВ



Дмитрий
Гусаров.

РАНЕНЬИЙ АНГЕЛ

ЦГБ Петрозаводск



80450792

✓4099-17.04.18

5201-24 03 19

83.3(2Рос.Кар)6-8
П 56

139192

Константин
Гнетнев

Дмитрий
Гусаров.

РАНЕННЫЙ
АНГЕЛ

139192-12

Издательство «Острова»

Петрозаводск

2015

г. Петрозаводск
МУ «ЦБС»
ЦГБ

Автор и издательство «Острова» благодарят за помощь в осуществлении издания Главу Республики Карелия А. П. Худилайна, ОАО «Прионежская сетевая компания», а также лично И. В. Ширшова и А. В. Ершова

Г 56

Гнетнев, Константин Васильевич

Дмитрий Гусаров. Раненый ангел / Константин Гнетнев. — Петрозаводск : Острова, 2015. — 264 с. : ил. — ISBN 978-5-98686-065-7

Дмитрий Яковлевич Гусаров — один из писателей-фронтовиков в советской литературе, автор исполненных трагизма и обнажённой правды произведений о партизанской войне на Карельском фронте. Журнал «Север», которым он руководил более 36 лет, заложил основы целого направления советской литературы. Великолепная плеяда российских писателей: В. Белов, Н. Рубцов, В. Шукшин, Ф. Абрамов, В. Маслов, В. Личутин и другие, — несла читателю правду о народной жизни сквозь препоны официальной партийной цензуры. Направление это, получившее наименование «деревенской прозы», стало одним из ярких явлений культуры второй половины XX века.

Константин Гнетнев рассказывает, в каких условиях происходило становление личности народного писателя Карелии, о его родителях и детстве, исковерканном раскулачиванием, о времени боевой партизанской юности, творчестве и десятилетиях борьбы с партийными властями за правду в литературе.

Из книги читатель сможет узнать о жизни предвоенной деревни, о том, как происходили восстановление культурной жизни в послевоенной Карелии, становление писательской организации и журналов во второй половине XX века.

Книга адресована широкому кругу читателей. 16+

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2=411.2)6-8Гусаров Д. Я.

*В книге опубликованы иллюстрации со сценами демонстрации курения.
Минздрав предупреждает: курение вредит вашему здоровью!*

Глава первая

«Карелиха»

В нашем селе был Народный дом, и каждый год 21 января в нём проводился торжественно-траурный митинг. Ещё с далёких дошкольных лет живёт в памяти картина: битком набитый людьми зал, маленькая увитая хвоей и кумачом сцена, на столе — портрет. Один за другим выходят к портрету ораторы, и после каждого выступления школьники хором исполняют из глубины сцены какую-либо революционную песню. Когда говорят ораторы, отец опускает меня на пол, и я терпеливо жду, но как только вступает хор, я вновь прошусь на руки. Было это, наверное, накануне коллективизации, однако всё происходившее я воспринимал тогда как похороны Ленина и не понимал, почему нигде не видно гроба...

Дмитрий Гусаров

Нет нынче в России ни сёл, ни деревень — одни поселения. Все мы теперь не более чем поселенцы на родной земле. И село Тулубьево в 25 километрах от Великих Лук, всё такое же буйно зелёное летом и пригодно-спокойное, в переливах голубого снега на полях зимой, мало чем отличается от множества себе подобных.

Не так тут было ещё век назад.

1

Разумная упорядоченность жизни и труда и умело организованная красота сопровождали жителей этого села от самого рождения. Уверенная помещичья рука не давала разгуляться здесь крестьянской стихии. Выстроенное по плану, в чередовании «главных» и «неглавных» улиц, село свободно легло неподалёку от небыстрой и задумчивой реки Насвы.

Река с внешней стороны и три живописных пруда внутри села создавали особый микроклимат, в котором росли дети, вольно расцветали палисады



Центральная улица в современном селе Тулубьево. 2013 год

и многочисленные фруктовые сады на задах. С ранней весны и до окончания лета ребятня барахталась в тёплой и густой воде прудов, гоняя от берега стада гусей и уток. Что постарше — ходили на реку, где был свой неповторимый мир мальчишеской жизни.

И помещичья усадьба была по-своему красива необычной, слегка причудливой архитектурой. Высокое крыльцо с резными перильцами, островерхие крыши, широкие окна в витиеватой деревянной резьбе по окоёму, узкие галереи в переходах с этажа на этаж... Из-за причудливости в планировке новые власти после октябрьского переворота 1917 года так и не смогли придумать, чем её занять. Не принятая лишёнными фантазии хозяевами, усадьба помаленьку пришла в негодность и запустение.

Рядом с усадьбой стояло добротное деревянное здание школы о двух этажах. Школу также построил помещик, но здесь он удержался от архитектурных излишеств. Простор и много света — вот два требования, воплощённые строителями в широких коридорах и просторных классных комнатах.

В этой школе в 1932 году Дима Гусаров впервые сел за парту.*

Соседнее село Овсище, где традиционно располагалась местная власть и стояла церковь с кладбищем, соединяла с Тулубьевом аллея из вековых лип. Поход в Овсище по какой-либо домашней надобности всегда превращался в приключение. Тут было где разгуляться мальчишеской фантазии. Где-то очень высоко над головой раскачиваются и шумят на ветру верхушки деревьев, а из-за толстых стволов на обочине вот-вот выглянет голова усатого разбойника...

* В конце августа 2013 года на месте села я увидел два неровных порядка домов вдоль пыльной и пустой центральной улицы. Жителей почти не было — дома либо брошены во все, либо заколочены. Крапива по грудь да никому ненужные яблоневые сады с ковром из яблок — вот что осталось от Тулубьева к началу XXI века.

Этот мир природы, простор и красота навсегда вошли в сознание мальчика Мити. Он так и не стал по-настоящему городским. Уже во взрослой жизни он искал и находил возможность побыть на берегу, побродить среди деревьев, просто посидеть, глядя на лес и на воду..

В Тулубееве не только одевались по-городскому (лапти здесь не носили даже в старые времена), но и говорили иначе, правильнее. Здесь не было привычных на Псковщине, как и во многих областях центральной России, мягких окончаний «найдеть», «придеть...» с ударением на первой гласной. По этим окончаниям питерцы сразу отличали приезжих псковичей, а сами приезжие легко находили земляков на улицах и рыночных площадях.

«Дяревня-я-я...» — беззлобно ругались кухарки, натыкаясь на их мешки и котомки.

В Тулубееве любили праздновать, но никогда не пели частушек. Предпочтение отдавали романсам и протяжным распевным песням, которые называли «долевыми». Почему «долевые», можно только догадываться. Вероятно, потому, что повествовалось в них, как правило, о чьей-нибудь трудной и печальной доле. Тулубеевские женщины знали десятки романсов и «долевых» песен, а мама Дмитрия Гусарова, весёлая хохотушка и певунья Анна, так и вовсе сотни.

Анна не пела только, когда спала. Чем бы она ни занималась — утром, днём или поздним вечером, глаза её светились лёгким весёлым светом, и она негромко напевала.

Так бывает только у людей, рождённых для счастья.

Хотя счастья-то Анне Михайловне выпало совсем немного...

Частушки в Тулубееве появились при большевиках. В первые годы советской власти докатились до села новые формы коммунистической пропаганды. В будущее манили не изобильной, зажиточной жизнью, которой построить так и не сумели, а «живгазетами», поношением прошлого и публичными издёвками над людьми в разухабистых слоганах агитбригад. Гусаров вспоминал, как взятая в няньки бабка напевала:

Палина, палина,
Шесть условий Сталина,
А седьмое Рыкова
В честь Петра Великого...

Примитивная пропаганда нового советского уклада жизни вызвала ответную волну. В 1932-м, летом, когда в селе появились бежавшие от голодной смерти на родной Украине, по избам стали тайком напевать:

Украина — страна хлебородная,
Немцам хлеб продала,
Сама голодная...

Почти все мужчины Тулубьева играли на музыкальных инструментах, кроме разве что безнадёжно ленивых и тугоухих. Гармонь, мандолина, гитара, балалайка были в каждом доме. По праздникам хороший концерт можно было прослушать, остановившись возле палисада любого тулубьевского дома. Отец Гусарова Яков Васильевич и сам Дмитрий отлично владели гармонью и вместе с сёстрами любили и умели петь.

Нужно сказать ещё и о том, что культурная работа на земле выделяла Тулубьево из окрестных сёл и деревень ещё и тем, что приносила неплохие деньги. Здешние ранние огурцы хорошо знали в Великих Луках, Ново-сокольниках и даже в Питере — Ленинграде...

Совершенно очевидно, что поколение крестьян в отдельно взятом селе не смогло бы достигнуть подобного уровня общей культуры само по себе. Вероятно, не ошибусь, если признаю тот очевидный факт, что жизнь в Тулубьево до 1929 года стала прямым результатом влияния помещичьей семьи. Как бы там ни было, но именно помещик на протяжении столетия оставался в российской деревне законодателем во всём — в работе, организации быта и досуга, в формировании общественных отношений внутри сельской общины. Либерально настроенные литераторы оставили нам описания подобных отношений. Поколения советских детей воспитывались на них в школах. Однако это не более чем шаржи. И шаржи эти охотно растиражировали большевики, предьявив их в качестве примера повседневной жизни русского крестьянства «при самодержавии». Ведь для русофобствующих вождей большевиков ничего доброго в Отечестве до 1917 года не существовало.

2

Тулубьево на хозяев повезло.

У везения оказалась и другая сторона. Тулубьевские обитатели отличались чрезмерной заносчивостью. Вступать в брак с парнями или девушками из соседних сёл или, упаси Боже, с чужаками считалось неприличным. Подобные браки осуждались миром как нежелательные. Вот и оба деда не желали свадьбы Якова и Анны. Они всячески противились созданию семьи, в которой родился будущий писатель. У каждого имелись свои резоны. Но причина была общая — всё та же известная тулубьевская спесь...

Дед Гусарова по отцу, Василий Константинович, происходил хоть и из крестьянской, но довольно богатой семьи, владел множеством профессий — он и шорник, и сапожник, и всё, что хочешь. Жизнь он устроил по-городскому, любил общество, мастерски играл на гармошке, слыл гулякой и знатным лошадиником, имел собственный выезд.

Всем знакомый и всегда до крайности полезный, Василий Константинович, между тем, крестьянского труда не любил, дела вёл безалаберно, бессистемно и, по существу, проживал то, что было накоплено поколениями Гусаровых.

Накоплено было много.

Василий Константинович Гусаров владел большим и самым красивым домом в Тулубьево. Выстроенный на высоченном фундаменте, в окружении белоствольных берёз, он казался двухэтажным. Вероятно, так оно и было — в нижний, цокольный, этаж можно было входить, не склоняя головы. Перед окнами, выходящими на главную улицу села, всю весну благоухала сирень и до осени горели яркие кусты цветов.



Бывший барский пруд в Тулубьево

Дорожка через палисад вела к широкому крыльцу с резными перильцами. Шагнёшь в дверь и сразу окажешься в первой из трёх комнат. Первая («передняя») комната — самая большая и занимала добрых полдома. Здесь стояли всегда чисто побелённая русская печь, широкие вытертые до блеска лавки вдоль стен; у дальней стены от потолка до пола висела плотная занавеска. Сюда ходу никому не было, кроме хозяйки. Занавеска скрывала родительскую кровать.

Первое детское воспоминание старшей сестры Жени о брате приходится на Пасху и связано именно с этой комнатой.

«Сидим в большой комнате (гостиной) на лавке, и он с упоением работает раздобытыми где-то ножницами — отрезает кусочки материи от своего нового костюмчика, а я с интересом наблюдаю... К приходу бабушки из церкви... накрывают праздничный стол. Мы с братом уже одеты в новое — я в платье, он в костюмчик. И вот мама, к своему ужасу, видит картину: братишкин костюм весь в дырках...»

Женя вспоминает, как ей попало от матери за проделку брата. Она рассказывает о семейном правиле — «уставе» Гусаровых, по которому старшие всегда были в ответе за младших, а младшие беспрекословно подчинялись старшим.

«„Устав“ очень помог нашей семье в дальнейшей трудной жизни», — заключает она.

Следует подчеркнуть, что речь идёт о жизни российской крестьянской семьи в псковской глубинке во второй половине 20-х годов прошлого века. Накрыть праздничный стол и одеть детей во всё новое к Пасхе было нормой.

В передней Василий Константинович разрешал танцы.

Роль гармониста чаще всего выпадала младшему сыну Якову. Будущий отец писателя играл на гармонии лучше многих других, хотя выучился совершенно случайно. Василий Константинович хотел научить игре на гармонии старшего сына Павла и для этого нанял цыгана. Но научился... Яша, который уроков не брал, а просто присутствовал, молча посиживая рядом на лавке.

Другая сестра Дмитрия Гусарова, Тамара, вспоминает, как детьми, сидя высоко на печи, они часто наблюдали из-за занавески за танцующими. Когда при смене пар вместе оказывались дядя Вася и тётя Маня, то есть брат с сестрой, «почему-то становилось ужасно смешно, и мы с Димой покатывались со смеху. Такими нелепыми нам казались танцы брата с сестрой...»

Гостиная была обставлена по-городскому. Василий Константинович принимал в ней особенно дорогих гостей и вёл с ними важные разговоры, часто под графинчик и хорошую закуску. Возле стены стояло большое трюмо, а в центре над столом висела лампа. Она казалась очень дорогой и выглядела изящно — её обрамлял бордовый абажур с плетёными кистями, внутри которого укрывался круглый фитиль. Лампа прикреплялась к потолку блестящими металлическими цепочками. При необходимости с помощью цепочек её можно было поднимать и опускать на нужную высоту.

Дед Гусаров устанавливал лампу сам, как считал нужным. Если гостей было мало, опускал абажур пониже, создавая обстановку доверительности. Если приходили трое и больше, поднимал к потолку, как бы «раздвигая» стены комнаты до предела. Домашние знали — в минуты этого священнодействия с советами к Василию Константиновичу лучше не подходить...

Стол и диван в гостиной также были не простыми, но с фигурными точёными ножками. Тут же венские стулья с изящными гнутыми спинками, большой лакированный шкаф, который дети называли «блестящим»...

Описание обстановки дома, в котором прошли первые годы жизни Дмитрия Яковлевича, может показаться излишним. Привожу его, чтобы показать: тяга к упорядоченной достаточности, размеренности, семейным ценностям и любовь к дому, которые всю жизнь отличали Дмитрия Яковлевича, заложены именно там, в доме деда.

Справедливости ради, следует отметить тут и другое. Насколько Василий Константинович был душа-человек в селе, насколько тонок был в выстраивании отношений с людьми равными и стоявшими выше по общественному положению, настолько же и деспот в собственной семье. Никакой критики в свой адрес дед Гусарова не терпел, любое замечание обрывал и ни с кем из домашних считаться категорически не желал. Не только вечный оппонент — второй дед Дмитрия (по матери) Михаил Кондратьевич Котков, но и домашние видели, что дела идут неправильно, что семья проедает нажитое. Однако не только убедить, но даже высказать это хозяину дома было невозможно.

К счастью, это качество внуку не передалось. Писатель, не терпящий критики в свой адрес, зачастую обрекает себя на неудачу...

К слову сказать, общественное положение Василия Константиновича сыграло свою роль во время раскулачивания. Местные большевики из комбеда выкинули занятное коленце. Семью Гусарова обобрали до нитки и выслали на Урал, а хозяина... оставили в селе. Он жил в Тулубееве до самой смерти в 1931 году, правда, в чужом доме. Судьба распорядилась так, что доживал он земную жизнь через улицу от своего родственника и оппонента Коткова, о котором мы сейчас поговорим.

3

Дед будущего писателя по матери Михаил Кондратьевич Котков был белорусом. В самом начале века он покинул родные края в надежде найти в России благодатный уголок и вырваться из хронической бедности. Он чувствовал в себе силы и желал малого — арендовать клочок земли и обрести возможность трудиться на себя. В 1907 году ему наконец повезло — одинокая вдова в Тулубьево сдала землю в аренду. Коткову ничего другого и не нужно было. Трудясь день и ночь, складывая копеечку к копейке, он начал копить на осуществление главной своей цели.

Теперь он хотел выкупить землю в собственность и стать настоящим хозяином...

Место на окраине села, где хозяйствовал Михаил Кондратьевич Котков до самой смерти (он прожил 64 года), носило местное название «Карелиха».

Почему «Карелиха» — неизвестно...

Знаменательно, что хуторок, где родилась мама и где сам Дмитрий прожил первые и самые счастливые годы жизни, мистическим образом окажется связанным названием с Карелией — республикой, в которой прошли боевая юность и вся его взрослая самостоятельная жизнь. По большому счёту, не село Тулубьево нужно называть малой Родиной народного писателя Республики Карелия Дмитрия Яковлевича Гусарова.

Его родина — «Карелиха»...*

Котков женился на небольшой черноглазой тулубьевской девушке Ксении, и родили они сначала двух сыновей — Петра и Константина, а затем и четырёх дочерей: Ксению, Анастасию, Анну и Ефросинью.

Жена Коткова, Ксения Родионовна, очень скоро стала всеми почитаемой в Тулубьево и его окрестностях. Неожиданно для всех обнаружился в ней дар лекарки по женским и детским болезням. Лечила она только с помощью массажа и трав. Великое множество историй ходило по селу о чудесных исцелениях бабушки Родионовны, но в истории семьи запечатлелась только одна.

...Любопытна всё-таки человеческая память! Именно на эту историю в семьях Котковых — Гусаровых наложили негласное табу. До гибели бабушки во время войны** об этом эпизоде старались вслух не вспоминать.

А произошло вот что...

В 1914 году в Тулубьево и на «Карелиху» пришёл тиф. Весна, половодье, реки и ручьи разлились, затопив не только берега и низкие пожни, но и боль-

* Сегодня о «Карелихе» позабыли. Пожилая женщина сказала, что живёт в Тулубьево с 1969 года и знает, что в километре от села есть хуторок в один дом. Называется он «Залесье». Махнув рукой на нашу «Мазду», добавила: «На этой машине вы туда нипочём не проедете».

** Родная бабушка Д. Я. Гусарова Ксения Родионовна дожила до 81 года. В годы Великой Отечественной войны она осталась в родном доме. Когда немцы сожгли село, мстя жителям за укрывательство партизан, бабушка не смогла выбраться из огня и погибла. Судьбу Тулубьева разделили и другие сёла. Сейчас в нескольких километрах от Тулубьева создан мемориал «Великолукская Хатынь».

шинство дорог, связывающих село с городом. Ни попасть в село, ни выехать из села никому стало невозможно. Умирали целыми семьями...

На «Карелихе» умерла жена одного из старших сыновей Коткова — Петра, оставив троих малых детей. Заболела и одна из его дочерей — трёхлетняя Зина. Не успели ничего сообразить, как на ножке началась гангрена...

В дом пришла настоящая беда. Счёт идёт на минуты, а в город за врачом попасть никак невозможно...

Что же делать?

И Ксения Родионовна приняла решение, позже всерьёз озадачившее даже опытных врачей. Она вскипятила самовар и прямо в крутой кипяток — до того места, куда по живой ткани успела добраться мертвящая синева гангрены, — окунула ногу девочки...

Риск был невероятный!

Старшая сестра писателя Женя — Евгения Яковлевна Косарева (Гусарова) — позже вспоминала:

«Зина потеряла сознание. Нога буквально сварилась... Но когда дед всё-таки привёз доктора, тот был поражён! Ребёнок был спасён!»

Хроменькая, симпатичная и всегда весёлая Зина выросла и получила хорошую профессию. Хотя шансов выжить у неё не было никаких. Какой же чудесник мог в 1914 году сохранить жизнь трёхлетнему ребёнку при стремительно прогрессирующей гангрене?

Будущая мама Дмитрия Гусарова, дочь Михаила Кондратьевича и Ксении Родионовны, Анна слыла отчаянной песельницей и хохотушкой. Лёгкая в общении, весёлая, она знала великое множество романсов, песен, любила и, главное, умела петь. Всегда её окружали такие же подружки-хохотушки.

Вспоминают, что по праздникам, во время застолий Анна с братом Константином любили петь под гармонь Якова, будущего отца Дмитрия Яковлевича. Их завораживающее пение всегда становилось самым ожидаемым и желанным номером традиционных домашних концертов.

В 15 или 16 лет Анна нечаянно повредила веткой глаз. Вначале неприятно, потом быстрее и быстрее падало зрение, пока свет не померк вовсе. Глаз затянуло пятно бельма...

В 19 лет Анну начал сватать гармонист и партнёр по домашним концертам Яков Гусаров. Два года он старался завоевать её сердце. Она уже свыклась со своей несчастливой девичьей долей и со смехом отвергала ухаживания. Как же, хороша невеста с бельмом на глазу, да ещё на два года старше жениха! Что люди подумают?

Но Яков добился своего, и они поженились...

Однако прежде чем дочь стала невестой, главе семьи Михаилу Кондратьевичу Коткову пришлось немало потрудиться на «Карелихе», стремясь к заветной мечте. Десять трудных потных лет потребовалось, чтобы накопить нужную сумму.

В 1917 году он готов был заплатить...

Коткову грезилося — ещё немного, ещё чуть-чуть, и исполнится мечта всей его трудной жизни, он станет единственным полновластным хозяином своей земли.

Но...

В Петербурге случился большевистский переворот, и землю Коткову дали просто так, бесплатно.

Только вот главного он не дождался — хозяином не стал.

Когда дочь Коткова 21-летняя Анна после долгих ухаживаний согласилась принять предложение 19-летнего сына Гусарова Якова и речь зашла о свадьбе, главы семейств встали на дыбы...

Попытка породниться не могла не вызвать внутреннего протеста. Слишком разными были установки старейшин состоятельных и авторитетных родов. Один хозяин устроил благополучие семьи многолетним личным тяжёлым трудом. Другой беспечно проживалжитое родителями и дедами...

Правда, войны тулубьевских монтекки и капuletты не получилось — деды помнили о своём достоинстве, и до открытой брани и рукоприкладства, слава Богу, не дошло. Однако среди домашних Михаил Кондратьевич объявлял Гусарова «неосновательным», а Василий Константинович презрительно именовал Коткова «бывшим нищетой»...

К слову, молодым словесная война стариков оказалась только на руку. В пику «бывшему богачу» Гусарову в качестве приданого Котков дал Анне так много, что многие вещи их дети донашивали несколько десятилетий.

4

В 1929 году, когда в молодой семье было уже двое детей — сестра Женя и брат Дима, Яков Васильевич завершил строительство собственного дома. Молодые Гусаровы съехали от Василия Константиновича.

Новый дом превзошёл все ожидания...

Сколько было радости! Светлый, обшитый тёсом, из двух просторных комнат и с туалетом... Туалет в конце сеней был предметом особой гордости Якова Васильевича. У всех он во дворе, на улице, а у них — в доме...

В передней комнате — жаркая русская печь, большой стол, лавка, полки для повседневной посуды и буфет для посуды «хорошей» — для праздников и гостей; деревянная кровать для Димы и Евгении — за кисейной занавеской-пологом от потолка до пола.

Во второй комнате — просторный платяной шкаф, комод, кровать родителей и два огромных цветка в кадках. В одной кадке был традиционный для села фикус; названия другого цветка никто не знал, его именовали просто — «разрезной лист»...

Однако 1929 год не принёс долгожданной радости молодой семье Гусаровых. Как не принёс он счастья многим русским крестьянским семьям. Этот год стал трагическим для тысяч и тысяч тружеников громадной крестьян-

янской страны. Печально об этом говорить, но долгой и счастливой жизни в собственном доме у Гусаровых не получилось.

Власть воинствующих интернационалистов открыто объявила войну русскому народу, стремясь подрубить опоры, на которых он стоял веками. Очередной и коварный удар нанесли по православию. Началась массовая, тщательно организованная кампания по сносу православных храмов. За 11 последующих лет на всём пространстве России осталось не более двух тысяч действующих церквей.

Вторая разрушенная опора — крестьянство. В течение 1929 года высшие органы власти шесть раз возвращались к этой проблеме. В мае V Всесоюзный съезд Советов утвердил первый пятилетний план и объявил курс на коллективизацию. Едва прошёл месяц, как ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О мерах укрепления колхозной системы». Трудно было укреплять то, чего не было. Однако 7 ноября И. В. Сталин опубликовал статью «Год великого перелома». Статья строилась на лжи. Сталин утверждал, что колхозы лучше индивидуальных хозяйств и зажиточные крестьяне-середняки чуть ли не массово стремятся в них...

На деле всё было иначе. И, разумеется, виноватых в этом тотчас обнаружили — кулаки. В декабре Сталин объявил о начале претворения в стране политики «ликвидации кулачества как класса». И теперь предусмотрительно созданное (5 августа) Управление северных лагерей особого назначения ОГПУ СССР едва успевало принимать эшелоны спецпереселенцев.

1929 год стал роковым в жизни Дмитрия Яковлевича Гусарова. Ему не исполнилось и пяти лет, когда его отсекали от родовых корней навсегда. Он будет ощущать эту потерю до конца своих дней...

Обе дедовские семьи, всех многочисленных дядьёв и тёток под дулами наганов посадили в телячьи вагоны и отправили в ссылку на Урал.

Не только в родном селе Гусарова, но и во всей крестьянской России высылка воспринималась как дело чрезвычайно несправедливое. Кроме политических и экономических последствий, о которых крестьяне задумывались меньше всего, было ещё обстоятельство, из-за которого они не могли не переживать. Раскулачивание воспринималось как подлость, совершаемая под давлением власти, уничтожались семьи, поколениями знакомые друг с другом, связанные не только хозяйственными, но и дружескими, родственными связями.

Мои мама и отец, такие же высланные крестьяне: она из земель Всеволодского Войска Донского, из-под станицы Филоновская Новоанненского района, он из-под Ельца, — никогда не вспоминали вслух ни про родные деревни, ни про оставшуюся там родню. Даже названия их я узнал из архивов. Нетрудно догадаться, какое глубокое чувство обиды владело ими до конца земной жизни.

Тяжёлый нравственный раздор, посеянный и за столетие не изжитый в душах крестьян, составляющих опору русского государства, также стал одной из целей иноплеменных интернационалистов-большевиков.



Околица села Тулубьева

Механизм разрушения российской деревни был запущен. Спасти от раскулачивания не могло ничто — ни успехи в труде и лояльность к власти, ни авторитет и уважение сельского мира. Ведь и в Тулубьеве у Гусаровых, и на «Карелихе» у Коткова никаких врагов новой власти невозможно было отыскать, как говорится, днём с огнём.

Но...

Семьи были большие, работали много, но управиться с хозяйством в горячую пору не могли. Приходилось нанимать работников, и нанимались они сюда охотно.

Следует сказать, что во всей округе отличался в этом дед Котков. Когда подходила страдная пора, работники шли вначале на «Карелиху» и только потом к другим хозяевам. Их устраивали предлагаемые Котковым условия: работать и питаться вместе с хозяйской семьёй, а оплату получать по справедливости.

До самой зимы в избах тулубчан пересказывали, как Михаил Кондратьевич лично встречает помощников, как жмёт каждому руку. С особым выражением на лице крестьяне повествовали, как хозяйка усаживает за семейный обеденный стол, рядом с хозяином и детьми, и из одного котла уважительно подаёт кушанье...

Но от раскулачивания это не спасло. Как же — «эксплуататоры-мироеды»...

Разумеется, сам Дмитрий Яковлевич по малолетству помнить этих событий не мог. В начале 1990-х годов он стал собирать материалы для задуманной книги воспоминаний. Прислал свои заметки и двоюродный брат А. К. Котков, который мальчишкой наблюдал за раскулачиванием в родном Тулубьеве. В письме от 24 ноября 1992 года брат рассказал, как кулацкие семьи сгоняли к сельсовету и отправляли на погрузку в эшелоны в Насву, как билась в истерике женщины и плакали дети...

Потом активисты шли разорять опустевшие дома.

Краснобаи и неудачники из сельсовета, неумёхи и лентяи из «комитета бедноты», пуская слюни от вожделения, рылись в кладовых и сундуках, шарили на чужих полках, надеясь поживиться от вчера ещё самых состоятельных и авторитетных односельчан. Мебель, домашнее имущество и прочие вещи, ещё помнившие тепло хозяев, выносили к сельсовету для продажи с торгов. Вокруг горы вещей собирались праздные зеваки и желающие задёшево поживиться чужим добром.

Начинались торги. Председатель громко называл цену и считал до трёх. Если при счёте «три» никто не называл новой цены, вещь считалась проданной тому, кто вызвался первым...

«Я помню, как мой отец купил за 1 рубль хороший дубовый стол», — вспоминал А. К. Котков.

«Торги» напоминали мародёрство. Но если на войне за сапоги, снятые с ещё живого солдата, расстреливали на месте, то на войне с русским крестьянином мародёрство только поощрялось. По данным современных исследователей, кулаков обобрали примерно на 500 миллионов рублей. За эти деньги можно было построить четыре (!!!) Беломорско-Балтийских канала...

Известный исследователь проблемы, доктор исторических наук, профессор Н. А. Ивницкий писал,* что большевики прямо или косвенно уничтожили до миллиона лучших крестьянских семей общей численностью 5–6 миллионов человек. Уменьшение количества крестьян в стране на 25 миллионов человек стало закономерным результатом кампании.

11 апреля 1930 года руководитель ОГПУ Генрих Ягода (Енохим Гершенович Иегуда) писал подчинённым на места: «Нам необходимо до апрель-марта расправиться с кулаком и раз и навсегда сломать ему хребет».

Хотели сломать хребет кулаку, а сломали России...

В 1929–1937 годах власть породила в государстве проблему, которая не решена и поныне. В 1929 году И. В. Сталин пишет (статья «Год великого перелома»): «...Если развитие колхозов и совхозов пойдёт усиленными темпами, то нет оснований сомневаться в том, что наша страна через каких-нибудь три года станет одной из самых хлебных стран, если не самой хлебной страной в мире».

Прошли «каких-нибудь» три года. Благодаря «усиленным темпам» развития колхозов и совхозов страна вошла в самый пик голодомора. Хотя за два десятка лет до прихода большевиков Столыпинские реформы вывели Россию в число первых в мире по производству и экспорту зерна. И оболганные реформы эти были либеральные, а не людоедские...

Страна — на краю катастрофы...

13 сентября 1930 года Сталин — в очередном отпуске у южного моря. Пишет Молотову, чтобы унял печать «ради бога», мол, «это истерический троцкистско-правоуклонистский тон». Печать уняли, но что делать с голодом и с невиданной смертностью? С этим поделаться ничего невозможно.

* Ивницкий Н. А. Судьба раскулаченных в СССР. М.: Собрание, 2004, с. 30.

Следовательно, пора закрывать Демографический институт АН СССР. В 1934 году институт закрыли, а руководство отправили в лагерь. После института демографии легко уняли и статистическое ведомство Госплана. Метод простой — расстреляли руководство, мол, позволили себе заявление, что реальная численность населения после коллективизации сократилась на 8 миллионов человек. Как в результате войны. Это же чистый троцкизм! Вождь говорит, что жить стало легче, жить стало веселее, а они распоясались... Конечно, перепись переделали, правда, концы с концами в новой (1939 года) не сошлись. Да и не могли сойтись, но этого никто «не заметил». В большевистской стране внимательные тоже хотели жить.

Недавно опубликованы данные, которые в течение многих лет были засекречены. В 1929 году в России произошло 1300 массовых выступлений крестьян. В них приняло участие до 300 тысяч человек. Только за три первых месяца 1930 года произошло около 8 тысяч (!!!) массовых восстаний с числом участников почти в 2 миллиона человек.

Нужно реально понимать при этом, о чём идёт речь. Про массовые крестьянские восстания сказано либо с перепугу, либо в известных пропагандистских целях. Крестьянские выступления не имели сильных и подготовленных лидеров и должной организации. Это были стихийные народные бунты, без политических целей, зачастую никак не скоординированные. Бунты возмущённых мужиков из отдельных деревень, вооружённых вилами или охотничьими ружьями по принципу «через одного», легко было подавить, что и было исполнено большевиками при помощи армии с чудовишной жестокостью и бесчеловечностью.

Кулаков высылали на гибель...

Оставшаяся в Тулубьево немногочисленная родня Гусаровых и Котковых не имела с высланными связи и уж точно никак не могла знать, как живут и чем занимаются родные люди в неведомых прежде уральских северных краях.

В ОГПУ создали специальные подразделения, которые перехватывали письма из ссылки. Информационный отдел составлял секретные обзоры и подавал их «наверх» в качестве подтверждения враждебности спецпереселенцев, как доказательство, что необходимо ужесточить репрессию. Современный историк цитирует письма с Урала из одного такого обзора:*

«Наша работа страшная, много людей убило соснами, много умерло и много людей пухнет с голоду, и много с ума сходят, так как страшно смотреть. Вы спрашиваете, как нас питают, — хуже собак, хороший хозяин собаку лучше кормит, чем нас здесь...»;

«Сколько тут калек, вдов и сирот, и лесом убивают, и сами мрут, и душат матери своих детей, в речку кидают и сами с ними, и мрут с голода как мухи. Тут на нас смотрят как на зверей...»;

* Ивницкий Н. А. Судьба раскулаченных в СССР. М.: Собрание, 2004, с. 201, 202.

«Жизнь моя очень ужасна, и не только моя, а 10 тыс. людей — гибнут от холода и голода и непосильных работ... Заболевают, холод, есть нечего, и по семь человек умирают в сутки; 28 апреля делали подсчёт в сельсовете, наших выселенцев умерло 620 человек».

Трагедия раскулачивания первой трети XX века в России отмечена и другим, пока мало исследованным общественным явлением. В период с 1929 по 1937 год примерно 200–250 тысяч самостоятельных крестьянских хозяйств оказались брошенными. Их хозяева не попали в первую «волну» репрессий и не стали дожидаться от комбедов приглашения в товарный эшелон. Они «самораскулачились», то есть распродали что можно, а остальное бросили, чтобы налегке убежать из деревни и спрятаться.

Это был массовый, неорганизованный и чудовищный по трудности бег крестьян из родных, обжитых за века родовых гнёзд. Бег в никуда — в малые посёлки, в города и прочие российские веси...

5

Ко времени описываемых событий отцу будущего писателя Якову Васильевичу Гусарову исполнилось 27 лет. Сестра Женя вспоминает, что в 1929 году, с переездом в собственный дом, «у папы стало больше времени, чтобы заняться любимым увлечением — читать книги».

В доме Гусаровых царил культ чтения. Денег на покупку книг не было, и их доставали где только можно, — просили у знакомых и учителей, приносили из дома старшего брата Андрея, у которого была большая домашняя библиотека. К старшему брату в селе приклеилась кличка «Андрей-книгочей». Так как в разговорах он постоянно сыпал цитатами, злые языки утверждали: из-за того, что он столько читает, стал немного «не в себе»...

Первая книга в жизни Дмитрия Гусарова оказалась как раз из обширной библиотеки дяди Андрея. Роскошно переплетённый и богато иллюстрированный том М. Ю. Лермонтова принёс отец, который боготворил поэта. По этому тому 6-летний Дима научился читать и вскоре мог декламировать стихи, смешно жестикулируя в самых важных, как ему казалось, местах. А к девятому классу Дима хорошо знал поэзию Пушкина, Некрасова, Кольцова; кавказский цикл Лермонтова мог читать наизусть целыми страницами. На стихи этих поэтов мама Анна Михайловна знала множество песен...

Не было большей радости у детей Гусаровых, когда зимними вечерами они рассаживались кружком возле папы и слушали его долгое спокойное чтение. В собственном доме у Жени и Димы появилась младшая сестричка Надя. Надя самостоятельно освоила грамоту и к семи годам уже свободно читала «взрослые» книги.

Яков Васильевич много знал и часто отвлекался от чтения, объясняя те или иные положения в тексте, их связь с фактами биографий писателей. Старшая сестра Дмитрия Женя вспоминала, что отец горестно сетовал о ранней гибели М. Лермонтова и говорил, как много он мог бы ещё написать прекрасного. Сидевшие кружком дети также горестно качали головка-

ми, соглашаясь: как жалко... Том Лермонтова остался в семье Гусаровых, когда дядю Андрея с сёстрами выслали на Урал.

Став семейным человеком, отец будущего писателя Яков Васильевич ничуть не утратил качества, с младых ногтей отличавшего его от своих сверстников. Качество это — чрезвычайно острое любопытство. Любопытство не праздное, но деятельное. Любимое присловье, которое часто слышали от него дети: «Один человек сделал — другой должен понять».

Отец будущего писателя считал обязанностью настоящего мужчины до всего дойти своим умом, уметь во всём разобраться и всё усвоить.

Яков и кузнецом стал из любопытства. Раз-другой пришёл в сельскую кузницу посмотреть, попросил место у горна, чтобы попробовать, а уж потом его самого заметили и пригласили на работу. Работа сельского кузнеца вроде бы внешне груба и тяжела. Но она отнюдь не мешала Якову великолепно ремонтировать различные сельские механизмы, гармони и всякую бытовую мелочь, включая часы...

В разгар Гражданской войны Яков оказался в Великих Луках, где целый год работал в военном госпитале санитаром. Было ему тогда 16 лет. С тех пор он мог уверенно оказать нужную медицинскую помощь и даже лечить...

Я уже рассказывал, что Яков Васильевич обладал развитым музыкальным слухом и владел несколькими инструментами. Хотел научиться игре и сын. Дмитрий Яковлевич позже признался, что отец сильно страдал во время его первых музыкальных уроков:

«Если доводилось ему слышать меня хотя бы через стенку, то он весь, бывало, исстрадаётся, словно от зубной боли, и не выдержит, сердито крикнет:

— Чего басами гыркаешь? Не можешь чисто вывести, думаешь, басы спасут?! Мелодию чище выводи!...

Я старался при отце не брать в руки гармонь».

Была одна загадка в Якове Васильевиче, не объяснимая для его односельчан. Разгадку знали только домашние. Каким образом выросший в глубоко верующей семье и сроднившийся с такой же глубоко верующей семьёй,



Семья Гусаровых. Сидят:
 Анна Михайловна (справа) с дочерьми
 Ниной (слева) и Надеждой.
 Стоят: сын Дмитрий и дочь Евгения.
 1948 год

139192-12

мог оставаться без веры в Бога? Ведь на православной традиции строилась вся жизнь русского крестьянства. Старшая дочь Женя вспоминала, что «...в детстве мы с Димой засыпали под горячий шёпот мамы, которая на коленях молилась перед иконами».

С Яковом произошло следующее.

Как-то отец отправил его в соседнюю деревню Овсище к священнику. Шёл пост, в доме говели, и детям постоянно хотелось есть. В семье священника как раз садились обедать. Мальчишка был поражён: хозяева устали стол яствами, каких он не видел у себя дома даже на Масляной неделе. С этой минуты вера в Бога у него закончилась...

К сожалению, рядом со смущённым мальчишкой не оказалось духовно мудрённого человека, который бы сумел объяснить, что поведение нерадивого сельского батюшки с его, Якова, личной верой в Бога не имеет ничего общего...

Писателю Дмитрию Гусарову потребовалось прожить целую жизнь, чтобы понять, как не прав был в своей детской обиде на Бога его отец.

Детские годы жизни заложили у Дмитрия основы мировоззрения, которое и определяло впоследствии взгляды и поступки гражданина, писателя и журнального редактора Гусарова. В этом мировоззрении определяющим стало поведение самого человека. Личная ответственность. Не система политических, экономических либо культурных координат, в которых человек оказывался в тот или иной период жизни и за которыми ему иногда так удобно прятаться. В оценках людей Гусаров никогда не принимал в расчёт никаких обстоятельств и не делал на них скидок...

По Гусарову, человек отвечает за себя только сам, всегда оставаясь наедине со своей совестью. Вполне закономерно, что этот принцип он исповедовал и в писательском творчестве.

Глава вторая

Бег

На школьных уроках (это я помню из детства) в бедной псковской деревенской стороне нам не без успеха внушали, что мужик Гаврила и в подмётки не годится пьянице, бродяге и вору Челкашу. И мы — сами дети мужиков — верили, что мечтать о земле, о лошади, о работе на своём поле — это чуть ли не позор, это мелкобуржуазная стихия, обывательство.

Ну вот теперь давно уже мы и пожинаем плоды подобной эстетики в отношении к деревне.

Дмитрий Гусаров

Когда в Тулубьеве началась коллективизация и по домам стали ходить агитаторы из бедняков — зазывать в колхоз, Яков и Анна Гусаровы вступили одними из первых. Говорили даже, что название колхозу — «Новая жизнь» — дал именно Яков...

1

Первым колхозным председателем назначили 25-тысячника* из Ленинграда Ивана Ивановича Трусова. Интеллигентный, спокойный, грамотный и умный, Трусов повёл хозяйство уверенно и твёрдо. В селе пытались объяснить успехи горожан и шептались, что если не оба, так жена Трусова — «точно из дворян». Колхоз «Новая жизнь» работал прекрасно. Хорошие урожаи, отличные показатели, достаточно высокая оплата труда колхозников — чего ещё желать!

* Как сообщает БСЭ, 25-тысячники — это «передовые рабочие крупных промышленных центров СССР, добровольно поехавшие по призыву Коммунистической партии на хозяйственно-организационную работу в колхозы в начале 1930, в период коллективизации сельского хозяйства». Всего по Советскому Союзу было направлено на работу в колхозы 27 519 рабочих.

Оглавление

Глава первая. «КАРЕЛИХА»	3
Глава вторая. БЕГ	19
Глава третья. КУРСАНТ СПЕЦШКОЛЫ	35
Глава четвёртая. ЭТА СТРАННАЯ ЛЕСНАЯ ВОЙНА	47
Глава пятая. PRO PATRIA	60
Глава шестая. ВОЗВРАЩЕНИЕ В КАРЕЛИЮ	76
Глава седьмая. ВСЁ ПОНЯТЬ И ОСМЫСЛИТЬ	90
Глава восьмая. НА ПУТИ К ГЛАВНОЙ КНИГЕ	107
Глава девятая. НАБОР ВЫСОТЫ	120
Глава десятая. ЦЕНЗУРНЫЕ ВОЙНЫ	133
Глава одиннадцатая. ЗА ЧЕРТОЙ МИЛОСЕРДИЯ	148
Глава двенадцатая. «ЗАБАВА ДЕТСКАЯ»	162
Глава тринадцатая. ПАМЯТЬ НЕ УМИРАЕТ	184
Глава четырнадцатая. ВРЕМЯ ПОТЕРЬ И ОБРЕТЕНИЙ	202
ЭПИЛОГ	210
ПИСЬМА ДМИТРИЯ ЯКОВЛЕВИЧА ГУСАРОВА	213
Избранные места из переписки с З. А. Богомоловой. 1971–1994	

Литературно-художественное издание

Гнетнев Константин Васильевич

ДМИТРИЙ ГУСАРОВ. РАНЕНЫЙ АНГЕЛ

Редактор — Алла Белозерова

Художественный редактор — Ольга Ромашкина

Дизайн обложки — Александр Коломышев

Корректор — Наталья Николаева

В книге использованы материалы:

фондов Национального архива Республики Карелия;

семейных архивов **В. Д. Петухова,**

Гусаровых, Бузулуцковых и К. В. Гнетнева;

Интернет-ресурса: http://www.irbit.info/sity_photo/

В оформлении обложки использован фрагмент картины «Раненый ангел».

Художник Хуго Симберг

Подписано в печать 17.03.2015 г. Формат 60х90/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 16,5. Заказ № 3490

Издано ООО Издательство «Острова»

185035, г. Петрозаводск, ул. Кирова, д. 5, оф. 204а

тел. (8142) 63-26-89, e-mail: klm@karelia.ru

сайт: <http://izostrova.karelia.ru>

Первая Академическая типография «Наука»

190034, г. Санкт-Петербург, 9-я линия В. О., д. 12

ЦЕНА

400 руб. 00 коп.



Герой книги Константина Гнетнева Д. Я. Гусаров — один из заметных писателей-фронтовиков, автор исполненных трагизма и обнажённой правды произведений о партизанской войне на Карельском фронте. Партизан, народный писатель Карелии, Д. Я. Гусаров 36 лет возглавлял журнал «Север». Книга Константина Гнетнева поможет заглянуть в скрытую от посторонних глаз жизнь в советскую пору одного из ведущих региональных журналов России, почувствовать атмосферу минувшей эпохи, узнать, в каких условиях жила и работала творческая интеллигенция в СССР. Биографическая повесть К. В. Гнетнева «Дмитрий Гусаров. Раненый ангел» представляет собой свидетельство времени. Это честный рассказ о том, как нелегко, сквозь препоны партийной цензуры, пробиралась к читателю настоящая русская литература XX века, неся правду о народной жизни.

Елена ПИЕТИЛЯЙНЕН,

*главный редактор журнала «Север»,
секретарь правления Союза писателей России,
председатель правления Карельского отделения
Союза писателей России*

